Шри Ауробиндо

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
BookBox
https://bookbox.center



САВИТРИ: ЛЕГЕНДА И СИМВОЛ

том 3

УДК 141.339
ББК 86.42
Ш86

16+

Перевод с английского Леонида Ованесбекова
e-mail: ovanesbekov@mail.ru
Веб-сайт: integral-yoga.narod.ru

Ауробиндо, Ш.

Ш86 Савитри: Легенда и Символ. Том 3. / Шри Ауробиндо; пер. с англ. Леонида Ованесбекова. — Краснодар : Издательский дом «BookBox», 2025. — 294 с. — (Интегральная Йога Шри Ауробиндо).

ISBN 978-5-907925-89-2

Поэма «Савитри» — главное художественное и мистическое произведение Шри Ауробиндо. Внешний сюжет служит поводом, чтобы описать самые разные стороны отношения человека и Духа. Во 2 и 3 книгах это внутреннее путешествие царя Ашвапати по восходящей лестнице планов существования и его встреча с Божественной Матерью Вселенной. В 4–8 книгах это история его дочери, принцессы Савитри, её юность, поиски суженого, встреча с принцем Сатьяваном, предсказание смерти Сатьявану через год, внутреннее путешествие Савитри в поисках своей души и смерть Сатьявана. В книгах 9–12 это борьба Савитри с Богом Смерти за Сатьявана, разгром Бога Смерти, встреча Савитри с Всевышним, возвращение живого Сатьявана на Землю. Внутри же поэма представляет сложную систему из тысяч небольших стихотворений, сплавленных в одну огромную поэму и посвящённых самым разным темам отношения человека и Божественного. Можно сказать, что эта поэма — взгляд на людей и человечество «глазами Всевышнего». Англоязычная версия поэмы также включена в издание, при этом для удобства читателя строки англо- и русскоязычной версий расположены параллельно.

УДК 141.339
ББК 86.42

ISBN 978-5-907925-89-2

© Sri Aurobindo Ashram Trust. 1997
© Леонид Ованесбеков, перевод с англ., 2025
© Издательский дом «BookBox», 2025

Содержание

Книга Восьмая
КНИГА СМЕРТИ
7

Песня III. СМЕРТЬ В ЛЕСУ 8

Книга Девятая
КНИГА ВЕЧНОЙ НОЧИ
17

Песня I. К ЧЁРНОЙ ПУСТОТЕ..... 18
Песня II. ПУТЕШЕСТВИЕ В ВЕЧНОЙ НОЧИ
И ГОЛОС ТЬМЫ 36

Книга Десятая
КНИГА ДВОЙСТВЕННЫХ СУМЕРЕК
59

Песня I. МЕЧТА СУМРАКА ОБ ИДЕАЛЕ 60
Песня II. ЕВАНГЕЛИЕ СМЕРТИ И ТЩЕТА ИДЕАЛА.....73
Песня III. СПОР ЛЮБВИ И СМЕРТИ 96
Песня IV. ГРЁЗЫ СУМРАКА О ЗЕМНОЙ РЕАЛЬНОСТИ.....130

Книга Одиннадцатая
КНИГА ВЕЧНО ДЛЯЩЕГОСЯ ДНЯ
179

Песня I. ВЕЧНЫЙ ДЕНЬ: ВЫБОР ДУШИ
И ВЫСШЕЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ.....180

Книга Двенадцатая
ЭПИЛОГ
253

Эпилог. ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ЗЕМЛЮ.....254

Приложение
Неиспользованные фрагменты
«Савитри»
271

[Книга II, Песня 6]. Царства и Боги более Высокой Жизни 272
[Книга II, Песня 7]. Спуск в Ночь 279
[Книга IV, Песня 2]. Рост Пламени 282
[Книга V, Песня 3]. Сатьяван и Савитри 285
[Книга VI, Песня 2]. Путь Судьбы и Проблема Боли.....287

Book Eight
THE BOOK OF DEATH



Книга Восьмая
КНИГА СМЕРТИ

Canto III
DEATH IN THE FOREST

Now it was here in this great golden dawn.
By her still sleeping husband lain she gazed
Into her past as one about to die

Looks back upon the sunlit fields of life

Where he too ran and sported with the rest,
Lifting his head above the huge dark stream
Into whose depths he must for ever plunge.
All she had been and done she lived again.
The whole year in a swift and eddying race
Of memories swept through her and fled away
Into the irrecoverable past.

Then silently she rose and, service done,

Bowed down to the great goddess simply carved
By Satyavan upon a forest stone.

What prayer she breathed her soul and Durga knew.
Perhaps she felt in the dim forest huge

The infinite Mother watching over her child,
Perhaps the shrouded Voice spoke some still word.
At last she came to the pale mother queen.
She spoke but with guarded lips and tranquil face

Песня III
СМЕРТЬ В ЛЕСУ

И вот Савитри снова здесь,
среди великой золотой зари.
Она лежала рядом
с тихо спящим мужем
И всматривалась в прошлое своё,
как человек,
приблизившийся к смерти,
Оглядывается на солнечные,
яркие равнины жизни,
Где он когда-то тоже бегал,
веселился, отдыхая,
И поднимает голову над
чёрной необъятною рекою,
В чьи мрачные глубины
должен он нырнуть навеки.
Всё, чем она была, что сделала,
она прожила вновь.
Весь год в водовороте
быстрой гонки
Воспоминаньями пронёсся
сквозь неё,
Прочь улетая
в безвозвратность прошлого.
Затем она тихонько поднялась
и, выполняя службу,
Склонилась низко
пред великою богиней,
Которую в лесу на камне
вырезал простым рисунком
Сатьяван.
О чём дышала та молитва,
знали лишь её душа и Дурга.
Она, возможно, ощутила
в неотчётливой громаде леса
Всю бесконечность Матери,
оберегающей своё дитя,
А может, скрытый Голос
прошептал ей тихие слова.
Но, наконец, она пришла
к поблекшей матери-царице.
Во время разговора
она следила за губами
и спокойствием лица,

Lest some stray word or some betraying look
Should let pass into the mother's unknowing breast,
Slaying all happiness and need to live,

A dire foreknowledge of the grief to come.
Only the needed utterance passage found:
All else she pressed back into her anguished heart
And forced upon her speech an outward peace.
"One year that I have lived with Satyavan
Here on the emerald edge of the vast woods
In the iron ring of the enormous peaks

Under the blue rifts of the forest sky,

I have not gone into the silences

Of this great woodland that enringed my thoughts
With mystery, nor in its green miracles

Wandered, but this small clearing was my world.
Now has a strong desire seized all my heart
To go with Satyavan holding his hand

Into the life that he has loved and touch

Herbs he has trod and know the forest flowers
And hear at ease the birds and the scurrying life
That starts and ceases, rich far rustle of boughs

Чтоб вдруг нечаянное слово
иль предательское выраженье глаз
Не пронесли
в незнающую душу матери,
Убив всё счастье
и необходимость жить,
Ужасное предвидение
будущего горя.
И только нужные слова
она подобрала —
Всё остальное загнала назад,
в измученное сердце,
И наложила на беседу
показной покой:
«Весь год, что прожила я
с Сатьяваном
Здесь, на краю зелёных
растянувшихся лесов,
Среди железного кольца
высоких пиков,
Под синими просветами
лесного неба,
Я не ступала никогда
в безмолвия
Большой лесной страны,
что окружала мысли у меня
Своими тайнами, ни разу
в этих изумрудных чудесах
я не гуляла,
Лишь эта узкая поляна
и была мой мир.
Сейчас же сильное желанье
завладело сердцем —
Пойти, держа за руку
Сатьявана,
В ту жизнь, которую он любит,
и коснуться трав,
где ходит он,
Взглянуть на россыпи
лесных цветов,
Услышать беззаботных птиц
и суету их жизни,
Которая то начинается,
то прекращается,

And all the mystic whispering of the woods.

Release me now and let my heart have rest."
She answered: "Do as thy wise mind desires,

O calm child-sovereign with the eyes that rule.
I hold thee for a strong goddess who has come
Pitying our barren days; so dost thou serve
Even as a slave might, yet art thou beyond

All that thou doest, all our minds conceive,

Like the strong sun that serves earth from above."
Then the doomed husband and the woman who knew
Went with linked hands into that solemn world
Where beauty and grandeur and unspoken dream,
Where Nature's mystic silence could be felt
Communing with the secrecy of God.

Beside her Satyavan walked full of joy

Because she moved with him through his green haunts:
He showed her all the forest's riches, flowers
Innumerable of every odour and hue

And soft thick clinging creepers red and green

And strange rich-plumaged birds, to every cry

Роскошный шорох
листьев вдалеке
И все мистические
шёпоты лесов.
Прошу вас отпустить меня,
пусть сердце отдохнёт моё».
Царица отвечала ей:
«Ты делай так, как захотел
твой мудрый ум,
О тихое дитя-властитель
с взглядом, что повелевает.
Ты для меня могучая богиня,
что пришла
Из сострадания к нашим
бедным дням;
Ты служишь так же,
как могла трудиться бы
рабыня,
Но ты, однако, превосходишь
всё, что делаешь,
и всё, что понимаем мы умом,
Как служит с высоты земле
могучее, сияющее солнце».
Затем судьбою обречённый муж
и женщина, что знала,
Ушли, держа друг друга за руки,
в волнующий тот мир,
Где — красота, величье и
невыразимые мечты,
Где можно ощутить
мистическую тишину Природы,
Берущую причастие
от тайны Бога.
И Сатьяван шагал с ней,
радуясь тому,
Что вместе с ним идёт она
его любимыми зелёными местами:
Он ей показывал
богатства леса и цветы,
Неисчислимые в своих
оттенках красок, ароматов,
И мягкий, прилипающий
густой вьюнок,
зелёный с красным,
И необычных птиц
с богатым оперением;

That haunted sweetly distant boughs replied
With the shrill singer's name more sweetly called.
He spoke of all the things he loved: they were
His boyhood's comrades and his playfellows,
Coevals and companions of his life

Here in this world whose every mood he knew:
Their thoughts which to the common mind are blank,

He shared, to every wild emotion felt
An answer. Deeply she listened, but to hear

The voice that soon would cease from tender words
And treasure its sweet cadences beloved

For lonely memory when none by her walked
And the beloved voice could speak no more.

But little dwelt her mind upon their sense;

Of death, not life she thought or life's lone end.

Love in her bosom hurt with the jagged edges
Of anguish moaned at every step with pain
Crying, "Now, now perhaps his voice will cease

Он отвечал на каждый крик,
что сладко пробирался
дальними ветвями,
И нежно называл по имени
пронзительных певцов.
Он говорил о тех, кого любил, —
все были для него
Друзьями детства
и товарищами в играх,
Его ровесниками,
спутниками жизни,
И в этом мире он
знал все их настроения:
Он разделял их мысли,
что обычному уму
казались бы пустыми,
На каждую их дикую эмоцию
он чувствовал ответ.
Она вбирала все его слова,
но только чтобы
слышать голос,
Который скоро отойдёт
от нежных слов,
И слушать сладкую и дорогую
интонацию любимого,
Чтоб сохранить всё это
в одинокой памяти,
Когда никто не будет с ней
прогуливаться рядом
И тот любимый голос
никогда уже
не сможет говорить.
Однако ум её
не сильно погружался
в смысл его речей;
О смерти, не о жизни
думала она
И представляла
одиночество в конце.
Любовь в её груди болела,
корчилась в страданьях,
Как от зазубренных кинжалов муки,
плачущей при каждом шаге,
Крича: «Вот-вот сейчас
его прекрасный голос
замолчит навеки».

For ever." Even by some vague touch
oppressed
Sometimes her eyes looked round as if
their orbs
Might see the dim and dreadful god's
approach.
But Satyavan had paused. He meant to
finish

His labour here that happy, linked,
uncaring
They two might wander free in the
green deep

Primaeval mystery of the forest's heart.

A tree that raised its tranquil head to
heaven

Luxuriating in verdure, summoning

The breeze with amorous wideness of
its boughs,
He chose and with his steel assailed the
arm
Brown, rough and strong hidden in its
emerald dress.
Wordless but near she watched, no turn
to lose

Of the bright face and body which she
loved.
Her life was now in seconds, not in
hours,
And every moment she economised

Like a pale merchant leaned above his
store,
The miser of his poor remaining gold.

But Satyavan wielded a joyous axe.

He sang high snatches of a sage's chant

That pealed of conquered death and
demons slain,

И, словно отвечая
на незримое касание,
Её глаза осматривали всё вокруг,
как будто бы они
Могли увидеть приближенье
страшного невидимого бога.
Тут Сатьяван остановился.
Он захотел закончить здесь
свой труд,
Чтоб, взявшись за руки, потом,
счастливые и беззаботные,
Они, свободные, вдвоём
могли пойти гулять
в зелёной глубине
Той первобытной тайны
сердца леса.
Он выбрал дерево,
тянувшее свою спокойную
вершину к небу,
Которое купалось
в роскоши листвы
И призывало ветерок
любовной широтой ветвей,
Затем он сжал в ладонях
атакующую сталь,
Косматый, сильный, загорелый,
и скрылся в изумрудном одеянии.
Без слов, но рядом
наблюдала всё она,
Не упуская
ни малейшего движения
Живого тела и лица,
которые она любила.
Сейчас её счёт жизни шёл
не на часы, а на секунды,
И каждый миг она
лелеяла и берегла,
Как побледневший лавочник,
склонившись над своим товаром
Как скряга, — скудное своё
оставшееся золото.
А Сатьяван, довольный, радостный,
работал топором.
Он распевал возвышенные строфы
песен мудрецов,
Что возвещали об убитых демонах
и покорённой смерти,

And sometimes paused to cry to her sweet speech
Of love and mockery tenderer than love:

She like a pantheress leaped upon his words
And carried them into her cavern heart.

But as he worked, his doom upon him came.

The violent and hungry hounds of pain

Travelled through his body biting as they passed
Silently, and all his suffering breath besieged
Strove to rend life's strong heart-cords and be free.
Then helped, as if a beast had left its prey,

A moment in a wave of rich relief

Reborn to strength and happy ease he stood

Rejoicing and resumed his confident toil

But with less seeing strokes. Now the great woodsman
Hewed at him and his labour ceased: lifting
His arm he flung away the poignant axe

Far from him like an instrument of pain.

She came to him in silent anguish and clasped,
And he cried to her, "Savitri, a pang

Cleaves through my head and breast as if the axe
Were piercing it and not the living branch.

И временами останавливался
крикнуть ласковое слово
Любви иль шутки,
что нежней любви —
Она пантерою кидалась
на его слова
И уносила их
в свою пещеру сердца.
Пока он так работал топором,
к нему пришла, повиснув облаком,
его судьба.
Голодные, неистовые псы
мучения и боли
Уже неслись по телу,
кусая молча, на ходу,
Его страдающее, осаждённое дыхание
старалось разорвать
Опутавшие сердце нити,
стать свободным.
Затем немного полегчало,
словно зверь оставил
временно свою добычу;
На миг, на той волне
короткого и щедрого
освобождения,
Как будто возрождаясь к силе
и счастливой лёгкости,
он встал
И, радуясь, продолжил снова свой,
уверенный в успехе, труд,
Но с меньшей силою.
Сейчас великий лесоруб
Рубил по нём,
и он свою работу прекратил:
Поднявшись, он швырнул прочь
острый свой топор,
Подальше от себя,
как инструмент мучения.
Она в безмолвной муке
подошла к нему и обняла,
А он вскричал:
«Савитри, боль идёт,
Раскалывая голову мою
и грудь,
Как если бы топор ударил их,
а не живую ветку.

Such agony rends me as the tree must feel
When it is sundered and must lose its life.
Awhile let me lay my head upon thy lap
And guard me with thy hands from evil fate:
Perhaps because thou touchest, death may pass."
Then Savitri sat under branches wide,
Cool, green against the sun, not the hurt tree
Which his keen axe had cloven, — that she shunned;
But leaned beneath a fortunate kingly trunk
She guarded him in her bosom and strove to soothe
His anguished brow and body with her hands.
All grief and fear were dead within her now
And a great calm had fallen. The wish to lessen
His suffering, the impulse that opposes pain
Were the one mortal feeling left. It passed:
Griefless and strong she waited like the gods.

But now his sweet familiar hue was changed
Into a tarnished greyness and his eyes
Dimmed over, forsaken of the clear light she loved.

Мучительная, разрывающая боль
во мне, какую, видно,
ощущает дерево,
Когда его срубают и оно
должно закончить жизнь.
Позволь, я ненадолго головой
прилягу на твои колени,
И ты ладонями своими
оградишь меня
от злой судьбы:
Быть может, от твоих касаний
смерть уйдёт».
Тогда Савитри села
под широкими ветвями,
Дающими зелёное прохладное
убежище от солнца,
Но в стороне
от раненого дерева,
Которое он разрубил
своим железным топором, —
его она остереглась;
Склонившись под удобным
царственным стволом,
Она его держала,
охраняя на груди,
Ладонями стараясь успокоить
измученные лоб и тело.
Весь страх и горе
умерли внутри неё сейчас,
И снизошло великое безмолвие.
Желание уменьшить в этот миг
Его страдания, дать импульс,
противостоящий этой боли, —
Единственное чувство,
что осталось у неё
от смертной.
Оно прошло:
без горя, сильная,
Она ждала,
как ожидают боги.
И вот его знакомый
нежный цвет
Сменился тусклой серостью,
глаза подёрнулись
туманной пеленой,
Покинутые чистым светом,
что она любила.

Only the dull and physical mind was left,
Vacant of the bright spirit's luminous gaze.
But once before it faded wholly back,
He cried out in a clinging last despair,
"Savitri, Savitri, O Savitri,
Lean down, my soul, and kiss me while I die."
And even as her pallid lips pressed his,
His failed, losing last sweetness of response;
His cheek pressed down her golden arm. She sought
His mouth still with her living mouth, as if
She could persuade his soul back with her kiss;
Then grew aware they were no more alone.
Something had come there conscious, vast and dire.
Near her she felt a silent shade immense
Chilling the noon with darkness for its back.
An awful hush had fallen upon the place:
There was no cry of birds, no voice of beasts.
A terror and an anguish filled the world,
As if annihilation's mystery
Had taken a sensible form. A cosmic mind
Looked out on all from formidable eyes
Contemning all with its unbearable gaze

Остался лишь безжизненный телесный ум,
Лишённый яркости и света взгляда духа.
Но прежде, чем угаснуть насовсем,
Он выкрикнул в последнем, льнущем к ней отчаяньи:
«Савитри, о Савитри, о Савитри,
Склонись, моя душа, и поцелуй меня, я умираю».
И только мертвенные губы у неё к его губам прижались,
Его — ослабли, потеряв последний отклик нежности;
Его щека легла, прижавшись, на её прекрасную ладонь.
Она его уста искала живыми тихими устами,
Как будто поцелуями могла уговорить вернуться душу у него;
Затем ей стало ясно, что они здесь не одни.
Сюда явилось нечто, осознающее, широкое и страшное.
Она почувствовала рядом огромную, немую тень,
Что холодила полдень темнотою за своей спиной.
На это место снизошло зловещее молчание:
Не стало криков птиц и голосов зверей.
Весь мир наполнился мучением и ужасом,
Как если бы мистерия уничтожения
Приобрела бы ощутимый вид.
Космических масштабов ум
Смотрел на всё своими грозными очами;
Всё презирая в непереносимом взгляде,

And with immortal lids and a vast brow
It saw in its immense destroying thought
All things and beings as a pitiful dream,

Rejecting with calm disdain Nature's delight,
The wordless meaning of its deep regard
Voicing the unreality of things

And life that would be for ever but never was

And its brief and vain recurrence without cease,

As if from a Silence without form or name
The Shadow of a remote uncaring god

Doomed to his Nought the illusory universe,

Cancelling its show of idea and act in Time

And its imitation of eternity.
She knew that visible Death was standing there

And Satyavan had passed from her embrace.

End of Canto Three
End of Book Eight

С широким лбом
и веками бессмертного,
Своей безмерной
разрушавшей мыслью
Он видел всех существ, все вещи —
жалкими мечтами,
И холодно, с пренебреженьем
отвергая радости Природы,
Беззвучный смысл его
глубокого внимательного взгляда
Показывал — насколько нереально
это всё:
И жизнь, которая
могла быть вечной,
однако не была ей никогда,
И все её короткие,
пустые возвращения
без остановки, —
Как будто из Безмолвия,
без имени и формы,
Та Тень далёкого
безжалостного бога
Неумолимо обрекала
на своё Ничто
всю иллюзорную вселенную
И отменяла представление
её идеи, действия
во Времени
И подражанье вечности.
Савитри поняла,
что это видимый бог Смерти
появился здесь,
А Сатьяван ушёл
прочь из её объятий.

Конец третьей песни
Конец восьмой книги

Book Nine
THE BOOK OF ETERNAL NIGHT



Книга Девятая
КНИГА ВЕЧНОЙ НОЧИ

Canto I
TOWARDS THE BLACK VOID

So was she left alone in the huge wood,
Surrounded by a dim unthinking world,
Her husband's corpse on her forsaken breast.
In her vast silent spirit motionless
She measured not her loss with helpless thoughts,
Nor rent with tears the marble seals of pain:
She rose not yet to face the dreadful god.
Over the body she loved her soul leaned out
In a great stillness without stir or voice,
As if her mind had died with Satyavan.
But still the human heart in her beat on.
Aware still of his being near to hers,
Closely she clasped to her the mute lifeless form
As though to guard the oneness they had been
And keep the spirit still within its frame.
Then suddenly there came on her the change
Which in tremendous moments of our lives
Can overtake sometimes the human soul
And hold it up towards its luminous source.

Песня I
К ЧЁРНОЙ ПУСТОТЕ

Итак, она осталась здесь одна,
среди огромной чащи леса,
Кругом стоял бездумный,
тусклый мир,
На ставшей одинокою её груди
лежало тело мужа.
В широкой неподвижности,
молчаньи духа,
Она беспомощными мыслями
не мерила утрату
И не срывала со слезами
мраморные прочные
печати боли:
Она ещё не поднялась,
чтоб встретиться
со страшным богом.
Её душа склонилась
над любимым телом
В великой тишине,
без звука, без движения,
Как будто ум в ней умер
вместе с Сатьяваном.
Но человеческое сердце
продолжало биться.
Осознавая до сих пор
его с собою рядом,
Она теснее прижимала
ставшую немой
безжизненную форму,
Как будто бы желая
защитить единство,
чем они недавно были,
И удержать дух Сатьявана
в прежней оболочке.
Затем внезапно в ней
случилась перемена,
Которая порой
в великие моменты
наших жизней
Способна овладеть
душою человека
И вознести её к сияющему,
светлому истоку ввысь.

The veil is torn, the thinker is no more:
Only the spirit sees and all is known.

Then a calm Power seated above our brows
Is seen, unshaken by our thoughts and deeds,

Its stillness bears the voices of the world:
Immobile, it moves Nature, looks on life.

It shapes immutably its far-seen ends;

Untouched and tranquil amid error and tears
And measureless above our striving wills,
Its gaze controls the turbulent whirl of things.
To mate with the Glory it sees, the spirit grows:

The voice of life is tuned to infinite sounds,

The moments on great wings of lightning come
And godlike thoughts surprise the mind of earth.
Into the soul's splendour and intensity

A crescent of miraculous birth is tossed,
Whose horn of mystery floats in a bright void.
As into a heaven of strength and silence thought

Is ravished, all this living mortal clay

Is seized and in a swift and fiery flood

Of touches shaped by a Harmonist unseen.

Срывается покров —
и больше нет мыслителя:
Один лишь дух глядит,
и познаётся всё.
Затем спокойное Могущество,
сидящее над нашими бровями,
Становится заметно, зримо,
и больше не тревожится
ни нашей мыслью, ни делами,
Его безмолвие поддерживает
голоса вселенной:
Не двигаясь, оно даёт
движение Природе,
смотрит на теченье жизни.
Оно выстраивает непреложные
и далеко идущие задачи, цели;
Спокойный, незатронутый
среди ошибок и потоков слёз,
Неизмеримо выше
наших борющихся воль,
Его взгляд правит
бурным вихрем мира.
Наш дух растёт, чтоб сочетаться
с тем Великолепьем,
что он видит:
И голос жизни в нас
становится созвучным
бесконечности,
Приходят необычные минуты,
на великих крыльях озарений
Богоподобные идеи, мысли
удивляют ум земли.
В богатство
и насыщенность души
Спускается по волнам полумесяц
странного, чудесного рождения,
Чей рог мистерии
плывёт по яркой пустоте.
И словно в небеса
безмолвия и силы
уносит, восхищая, мысль,
Вся эта смертная живая плоть
захвачена,
И в быстром пламенном
потоке соприкосновений
Меняется незримым
Музыкантом.

A new sight comes, new voices in us form
A body of the music of the Gods.

Immortal yearnings without name leap down,
Large quiverings of godhead seeking run
And weave upon a puissant field of calm
A high and lonely ecstasy of will.

This in a moment's depths was born in her.
Now to the limitless gaze disclosed that sees
Things barred from human thinking's earthly lids,

The Spirit who had hidden in Nature soared
Out of his luminous nest within the worlds:
Like a vast fire it climbed the skies of night.
Thus were the cords of self-oblivion torn:
Like one who looks up to far heights she saw,
Ancient and strong as on a windless summit
Above her where she had worked in her lone mind
Labouring apart in a sole tower of self,

The source of all which she had seemed or wrought,

A power projected into cosmic space,

A slow embodiment of the aeonic will,

A starry fragment of the eternal Truth,

Приходит новый взгляд,
и голоса, звучащие по-новому,
В нас создают
основу музыки Богов.
Бессмертные стремленья,
безымянные, ныряют вниз,
Широкие вибрации божественного
в поиске несутся,
Переплетаясь на могучем
поле тишины
В каком-то одиноком и возвышенном
экстазе воли.
В одно мгновенье в глубине
родилось это в ней.
И к безграничному,
открывшемуся взгляду,
Что видит недоступное
земным очам
мышленья человека,
Дух, спрятанный в Природе,
вырвался и воспарил
Из светлого укрытья своего
внутри миров:
Широким пламенем
он поднимался до небес ночи.
Так были порваны все путы,
породившие забвение себя:
И, словно глядя вверх,
в далёкие высоты,
Она увидела могучий, древний,
словно на безветренной вершине,
Над местом, где она трудилась
одна, в своём уме,
Уединившись, отстранясь,
в какой-то одинокой
башне духа,
Источник для всего,
чем виделась она себе
и чем старалась стать,
Неведомую силу,
что вошла
в пространство космоса,
Неспешно наступающее воплощение
намеренья эпох,
Сверкающий фрагмент
небесной, вечной Истины

The passionate instrument of an
unmoved Power.
A Presence was there that filled the
listening world;
A central All assumed her boundless
life.

A sovereignty, a silence and a
swiftness,
One brooded over abysses who was
she.

As in a choric robe of unheard sounds

A Force descended trailing endless
lights;
Linking Time's seconds to infinity,

Illimitably it girt the earth and her:

It sank into her soul and she was
changed.
Then like a thought fulfilled by some
great word
That mightiness assumed a symbol
form:
Her being's spaces quivered with its
touch,
It covered her as with immortal wings;

On its lips the curve of the unuttered
Truth,
A halo of Wisdom's lightnings for its
crown,
It entered the mystic lotus in her head,

A thousand-petalled home of power
and light.
Immortal leader of her mortality,

Doer of her works and fountain of her
words,
Invulnerable by Time, omnipotent,

It stood above her calm, immobile,
mute.

И страстный инструмент
неколебимой Силы.
Пришло Присутствие,
наполнив слушающий мир;
И главное, божественное Всё
отныне приняло к себе
её неограниченную жизнь.
Став полновластием,
безмолвием и быстротой,
Она нависла, размышляя,
над пучинами,
которыми теперь была.
И словно в мантии из хора
недоступных уху звуков
Спустилась Сила, оставляя след
из нескончаемых огней;
Соединив секунды Времени
и бесконечность,
Она окутала своею беспредельностью
и землю, и её:
Она нырнула в душу к ней
и изменила всю Савитри.
Затем, как мысль, наполненная
неким грандиозным словом,
Пришедшее могущество
оделось в символическую форму:
Пространства существа её[1]
затрепетали от его касания,
Оно накрыло всю её
бессмертными крылами;
Изгиб невыразимой Истины
струился на его устах,
Гало из озарений Мудрости
служило для него короной,
Оно проникло
в тайный лотос выше головы,
Дом силы, света,
сотканный из тысяч лепестков.
Бессмертный лидер для её
подверженного смерти бытия,
Источник слов её
и исполнитель всех её работ,
Неуязвимое для Времени
и всемогущее,
Оно над ней стояло —
неподвижное, спокойное, немое.

[1] Савитри. (Прим. пер.).

All in her mated with that mighty hour,

As if the last remnant had been slain by Death
Of the humanity that once was hers.

Assuming a spiritual wide control,

Making life's sea a mirror of heaven's sky,
The young divinity in her earthly limbs

Filled with celestial strength her mortal part.
Over was the haunted pain, the rending fear:

Her grief had passed away, her mind was still,
Her heart beat quietly with a sovereign force.
There came a freedom from the heart-strings' clutch,
Now all her acts sprang from a godhead's calm.
Calmly she laid upon the forest soil

The dead who still reposed upon her breast
And bore to turn away from the dead form:
Sole now she rose to meet the dreadful god.

That mightier spirit turned its mastering gaze
On life and things, inheritor of a work

Left to it unfinished from her halting past,
When yet the mind, a passionate learner, toiled
And ill-shaped instruments were crudely moved.
Transcended now was the poor human rule;

В ней всё объединилось
в этот грандиозный час,
Как будто Смертью
были уничтожены
Последние остатки
человеческого в ней.
Взяв на себя широкое
духовное правление
И превращая море жизни
в отражение небес,
Вошедшая в её земное тело
юная божественность
Наполнила небесной силой
части смертной.
Она поднялась
над преследующей болью
и над разрывавшим страхом:
Ушло прочь горе,
ум стал неподвижен,
Но сердце билось ровно,
с полной силой.
Пришла свобода от
натянутых струн сердца,
Все действия её сейчас
рождались из покоя божества.
Она спокойно положила умершего
на лесную землю,
Что до сих пор лежал,
покоясь, на её груди,
С усильем отвернулась прочь
от мёртвой оболочки:
Она поднялась, одинокая,
чтоб встретиться
с ужасным богом.
Могучий дух окинул
властным взглядом
И жизнь её, и всё вокруг;
он стал наследником работы,
Оставленной ему незавершённой
из её хромающего прошлого,
Когда её обычный ум,
как страстный ученик, трудился
И плохо сформированные инструменты
действовали неумело.
Сейчас всё вышло за пределы
скудного масштаба человека;